

Троица ушла уже довольно далеко, а брань старухи Сунь всё ещё была слышна. По голосу было ясно — теперь она ругала Цю-гэ, обвиняя его в том, что он помогает чужим людям притеснять собственную мать.

Чэнь Цуйхуа только головой покачала:

«Вот ведь приставучая старуха. Надо было дать ей ещё немного помучиться с животом».

Сун Нин усмехнулся:

«Голос бодрый, значит, уже не болит».

Чэнь Цуйхуа и Сун Нин шли впереди, а Вэй Ху держался чуть позади — спокойно и надёжно, словно оберегая Сун Нина.

Чэнь Цуйхуа спросила:

«Нин-гэ, откуда ты знаешь, что хурму нельзя есть помногу? Да и рецепт этот ты тоже знаешь — неужто и вправду в лекарствах разбираешься?»

Сун Нин поспешно замахал руками:

«Нет-нет, я не лекарь. Просто раньше много всяких книг читал — там и увидел».

«Вот оно что. Значит, всё-таки учёный человек — недаром книги читал».

Так они и вернулись домой.

А в доме Суней всё ещё было беспокойно: старуха Сунь бранила Цю-гэ, твердя, что тот помогал чужим людям обижать родную мать. Цю-гэ только фыркнул и вышел — спорить с ней ему было лень.

Сунь Дачжуан подал матери ещё горячей воды. Та совсем воспряла духом и принялась ругаться ещё сильнее.

«Мам, как ты можешь быть такой несправедливой?» - не выдержал он. «Цю-гэ ведь тоже ради тебя старался. Разве у тебя сейчас живот не прошёл?»

Старуха Сунь на мгновение замерла, потрогала живот — боль ещё оставалась, но уже не такая сильная, как раньше. Она закатила глаза и пробормотала:

«Но всё равно нельзя с чужими людьми вместе обижать собственную мать!»

Сунь Дачжуан, увидев такое поведение матери, понял, что она уже поправилась, и перестал её контролировать.

Он вышел из комнаты, пытаясь успокоить мужа, подошёл поближе, улыбаясь погладил по щеке:

«Ну всё, Цю-гэ, не злись, мамуля у нас такая, не сердись».

«Я не злюсь!» - Цю-гэ резко оттолкнул Сунь Дачжуана, повернулся спиной и не обращал на него внимания.

Сунь Дачжуан повернулся:

«Я ошибся, бей меня! Только не злись! Скажи, что сделать — я сейчас же сделаю!»

Цю-гэ, услышав это, вспомнил, что сегодня Нин-гэ говорил, будто Ху-гэ помогал ему готовить. У него сразу же появилась идея:

«Тогда иди и приготовь еду».

«А я что, умею?» - растерялся Сунь Дачжуан.

Цю-гэ строго глянул на него:

«Я сказал: готовь! Хватит пустых слов».

«Ладно-ладно, хорошо, Цю-гэ, не сердись».

Цю-гэ наконец обрадовался.

Ху-гэ не только умеет охотиться, но и помогает мужу готовить еду. Почему же тогда его Дачжуан не сможет?»

Цю-гэ командовал Сунь Дачжуаном на кухне, а старуха Сунь, лежа на кровати, снова принялась ругаться:

«Ну и Цю-гэ ты! Где видано, чтобы заставляли мужа готовить? Пойду-ка я мамуле расскажу!»

Цю-гэ не обращал внимания, а Сунь Дачжуан тут же получил от него пинок:

«Хм, если бы я знал, что твоя мать такая капризная, кто бы в твою семью пришёл?»

Сунь Дачжуан поспешно стал оправдываться:

«Я виноват, я виноват! В доме всё, как скажешь, так и будет, я слушаю тебя!»

Цю-гэ наконец успокоился: всё-таки "плохой бамбук рождает хороший побег" — тогда он обратил внимание только на Сунь Дачжуана, но кто бы мог знать, что его новая свекровь окажется такой капризной.

«Сегодня спасибо Нин-гэ за рецепт. Всего пять медяков потратили, а если бы шли к лекарю — не меньше двадцати пришлось бы отдавать».

«Верно-верно, Ху-гэ и невестка — хорошие люди».

Они вдвоём, весело и ладно, готовили еду на кухне, а старуха Сунь всё ещё бесилась и ругалась во весь голос. Цю-гэ при этом строил планы: вечером, когда давать ей лекарство, можно бы подсыпать немного жёлтой руты — посмотрим, будет ли тогда ещё орать.

На следующий день старуха Сунь уже была живая и весёлая. Цю-гэ снял с дерева всю хурму. Увидев, что мать вышла во двор, он с насмешкой спросил:

«Мам, будешь хурму есть? На морозе она ещё слаще становится».

Старуха Сунь сердито отмахнулась:

«Не буду, не буду!»

Цю-гэ рассмеялся. На дереве хурмы было ещё много, так что теперь его мать уже не говорила, что жалко отдавать плоды другим. Цю-гэ собрал три корзины и каждому встречному ребёнку давал по две хурмы.

Нин-гэ ведь говорил, что хурму нельзя есть слишком много — по одной-две в день не навредит, так что Цю-гэ и детям больше не давал, боясь, что те переедят.

Оставшуюся корзину Цю-гэ решил отнести к себе домой, а другую — подарить Нин-гэ: тот любил хурму.

Цю-гэ пришёл с полной корзиной ярко-красных плодов и передал её Сун Нину.

Сегодня выглянуло солнце, и погода была совсем не такая холодная, как вчера. Когда он пришёл, Чэнь Цуйхуа уже была во дворе и примеряла для Сун Нина маленькую курточку.

«Тётушка Цуйхуа, - сказал Цю-гэ, - у тебя руки золотые, шьёшь просто отлично».

«Ах, Цю-гэ, ты пришёл! А как твоя мать? Поправилась?»

«Поправилась, уже с утра снова по деревне разгуливает и судачит» - ответил Цю-гэ, ставя корзину с хурмой на землю. «Ещё и говорит, что теперь жалеть плоды для других не станет — пришлось мне всё с дерева снять».

Цю-гэ кружил вокруг Сун Нина, по привычке трогая его тонкую курточку:

«Материал просто отличный, мягкий такой».

Сун Нин лишь прищурился:

«И тёплая, ещё и греет».

Побыв немного, Цю-гэ ушёл, оставив им корзину хурмы.

«Мам, - сказал он, - а что делать с такой кучей хурмы?»

«Ничего, - ответила Чэнь Цуйхуа, - будем есть по два плода в день, за день не испортятся».

«Ладно» - согласился Сун Нин.

Чэнь Цуйхуа и сама не знала тогда, что хурму нельзя есть слишком много. Вчера, увидев, как старуха Сунь страдала от боли, она и сама боялась переест. А хурма в их доме была отличная — очень сладкая.

Из-за того, что вчера целый день шёл дождь и дороги были скользкие, Вэй Ху не стал идти в горы. Он остался дома, помогая плести корзины, а когда пришло время готовить еду, тихо подговорил Сун Нина пойти за тофу, а сам незаметно помог ему приготовить обед.

Сун Нин сидел на кухне у плиты, хмурый и вздыхал. Пока он умел лишь разводить огонь и варить рисовую кашу — готовить нормальные блюда он ещё не умел.

«Ху-гэ, что делать?» - жалобно спросил он. «Я всё никак не научусь готовить».

«Потихоньку будешь учиться» - ответил Вэй Ху. «Если совсем не получится — скажем матери».

«Нет, нет» - встревожился Сун Нин. «Боюсь, что мама будет недовольна. А Цю-гэ сказал, что у них дома всегда он сам готовит».

Маленькая голова Сун Нина качалась так быстро, он боялся и матери не угодить, и чтобы деревенские не посмеялись над ним.

Вэй Ху тем временем нарезал редьку на доске. Сун Нин протиснулся поближе:

«Ху-гэ, я сам попробую!»

Вэй Ху отдал ему нож. Маленький Сун Нин, немного неуклюже, начал нарезать редьку. Вэй Ху едва не вздрогнул: боялся, что нож соскользнет и порежет эти фарфорово-белые пальцы.

К счастью, мальчик был осторожен. Хотя ломтики получались то тонкими, то толстыми, его глаза блестели:

«Ху-гэ, смотри, я могу нарезать редьку соломкой!»

«Отлично, молодец» - похвалил Вэй Ху.

Тем временем маленькая сковорода с маслом уже нагрелась. Вэй Ху ловко бросил в неё перец и лук. Он боялся доверить Сун Нину жарку — утром масло уже брызнуло на его руку, и та покраснела.

«Завтра мама пойдёт на базар продавать корзины, так что о обеде волноваться не нужно. Я вернусь пораньше с охоты и помогу тебе приготовить».

Сун Нин кивнул:

«Понял».

Вдруг послышались шаги у дверей, и Вэй Ху поспешно сунул сковородку с лопаткой маленькому Сун Нину. Вошла Чэнь Цуйхуа с тарелкой:

«Сегодня людей за тофу пришло прилично» - сказала она. «Холодно, все любят тушёный тофу».

Сун Нин смущённо улыбнулся:

«Мам, поставь здесь, пожалуйста».

«Ладно».

Сун Нин взял лопатку и стал мешать содержимое сковороды. За это короткое время несколько ломтиков редьки успели потемнеть. Он тихо позвал Вэй Ху на помощь:

«Ху-гэ, Ху-гэ»!

Вэй Ху ловко подхватил лопатку и быстро перевернул содержимое сковороды.

За эти два дня Чэнь Цуйхуа сшила Сун Нину зимнюю курточку. Она не сидела без дела: когда было свободное время, плела корзины, а сделав их достаточное количество — несла в город на продажу.

Тофу тоже приготовил Вэй Ху, а Сун Нин чувствовал себя растерянным: как же сложно готовить! Ему нужно было как можно скорее научиться, иначе в деревне над ним все будут смеяться.

Ночью Сун Нин ворочался в постели и не мог уснуть: тревога мешала, и тепло под одеялом быстро улетучивалось. Он сдался и открыл глаза:

«Ху-гэ, ты спишь?»

«Нет».

Сун Нин прижался поближе к Вэй Ху, но тот под одеялом оттолкнул его. Мальчик обиделся — чем сильнее его отталкивали, тем больше ему хотелось вырваться. Они ведь женаты, что плохого в том, чтобы быть близкими?

Сун Нин был расстроен: он ещё не умел готовить, да тут ещё и в постели не ладилось — как же тогда детей рожать?

Вэй Ху был взбешён выходками маленького гера. Он сел и свернул Нин-гэ в клубок, но Сун Нин почувствовал себя ещё более обиженным. Он тихо застонал, не раскрыв одеяло, и обида у него лишь усилилась:

«Брат Вэй Ху, ты тоже думаешь, что я слишком глуп? Все остальные могут что-то делать, а я нет».

«Нет».

«Тогда почему ты меня не обнимаешь?»

«Поговорим об этом позже».

Вэй Ху боялся, что такое сближение навредит Сун Нину.

Но Сун Нин не слушался и скинул одеяло ногой. В голосе была жалоба с ноткой плача:

«Ты просто думаешь, что я глупый».

«Нет»

В темноте Вэй Ху услышал, как маленький Сун Нин сопит носом:

«Ты же видишь! Я не умею шить, не умею готовить, даже в огороде работать не могу, а только тратить серебро. Ты просто недоволен мной!»

Как бы Вэй Ху ни объяснял, Сун Нин не слушал — наверняка вот-вот заплачет.

«Иди сюда».

Сбоку послышался шорох, и мальчик медленно подтянулся, и хотя они были рядом, он лишь осмелился взять Вэй Ху за руку.

«Ху-гэ, только не выгоняй меня».

«Сун Нин, ты не понимаешь. Я грубый, да и судьба у меня плохая, я не достаточно хорош для

тебя. Если когда-нибудь мы расстанемся... ты сможешь выйти замуж чистым и невинным».

В ответ Сун Нин лёгкой ногой толкнул его:

«Ху-гэ, ты такой глупый! Мы уже спим на одной кровати, где тут невинность? В глазах посторонних мы уже спим вместе!»

«Не говори глупостей!» - строго сказал Вэй Ху. Он почувствовал, как покраснело его лицо: что за слова говорит этот ребёнок!

«Ага...»

Сун Нин был несчастен: учителя в школе хвалили его за ум и сообразительность, а на деле он не только не умел работать, но и в постели ничего не мог сделать — прямо-таки ужасно.

Но сегодня он прижался к Вэй Ху и тот не оттолкнул его — маленькое утешение.

Сун Нин продолжал ворочаться, тревожась, и в конце концов, схватив за руку Вэй Ху, заснул. Во сне он ещё думал: когда встретит Цю-гэ, спросит его об этом. Ведь тот тоже недавно стал фуланом.

Вэй Ху уже несколько дней был дома. Едва рассвело, он вставал, готовил завтрак и собирался в горы. Сегодня Сун Нин проснулся вместе с ним.

Вэй Ху глянул на него:

«Ты зачем встал? Ещё рано».

Сун Нин зевнул:

«Я буду готовить тебе завтрак».

Вэй Ху на мгновение замолчал. Готовить завтрак для него...

<http://bllate.org/book/15163/1416094>